

С.Г.Алленов

«„ДА“,
КОТОРОЕ МЫ ГОВОРИМ РОССИИ,
ОЗНАЧАЕТ „НЕТ“ ЗАПАДУ»

Истоки и метаморфозы
«ВОСТОЧНОЙ ОРИЕНТАЦИИ»
НЕМЕЦКОГО НАЦИОНАЛИЗМА
1910–1920-х годов

Ключевые слова: немецкий национализм, Мёллер ван ден Брук, «восточная идеология», русофильство, «революционный консерватизм»

В свете опыта двух мировых войн может показаться, что Россия и Советский Союз рассматривались немецким национализмом первой трети XX в. исключительно в качестве объектов грабежа и агрессии. Между тем некоторые внешнеполитические проекты немецких националистов из стана так называемой «консервативной революции» 1920-х — начала 1930-х годов предусматривали более мирный и даже дружественный характер восточной политики Германии¹. Такие проекты были достаточно многочисленными для того, чтобы считать их столь же весомым компонентом «революционно-консервативного» мировоззрения, как воинствующий национализм и антилиберализм, имперский миф и доктрина немецкого («национального» или «прусского») социализма, идеи «органической» народной общности и сословного государства. К сожалению, русофильские интенции значительной части немецких «революционных консерваторов» до последнего времени ускользали от внимания отечественной историографии. Данный пробел в свою очередь приводил к недостаточной проработке ряда сюжетов внутривосточной истории Германии и истории германо-советских отношений. Например, обилие советских исследований, преподносивших договор в Рапалло (1922 г.) как образец сотрудничества государств с различным социальным строем, так и не привело к созданию полной картины тех общественных настроений, которые нашли отражение в рапальской политике Германии. Тот факт, что сторонниками и в еще большей степени проводниками немецкого сближения с Советской Россией были не только левые интернационалисты или представители прогрессивной интеллигенции, но и носители националистических

¹ Смежные, хотя и различавшиеся по смыслу понятия «восточная политика», «восточная идеология» и «восточная ориентация» связывались в немецком политическом сознании и лексиконе прежде всего с Россией.

² Эти вопросы уже давно рассматриваются в западной, прежде всего немецкой, историографии. См., напр. Лакер б.г.;

и крайне правых взглядов, еще ждет осмысления российскими историками. Также требуют ответа и вопросы о том, насколько органично «новый немецкий национализм» мог сочетаться с пророссийскими симпатиями и в какой степени эта тяга к России могла служить альтернативой нацистской агрессии против СССР².

«Даже не соприкасаясь с Германией, Россия все же означает для нее Восток»³

Schüddekopf 1960;
Hecker 1974;
Fritsche 1976:
220—235;
Direux 1985:
30—38, 76—81;
Bahar 1992:
71—85;
Taschka 1999;
Люкс 2002:
57—113;
Koenen 2005.

³ Seeckt 1940: 35.

⁴ Подробнее см. *Direux 1998:*
191—192.

Конечно, русофильские и просоветские настроения, охватившие в веймарский период некоторых немецких националистов, не исключали присутствия в их пестром лагере ни гораздо более сильных русофобских веяний, ни недоверия к недавнему военному противнику, ни ненависти к большевизму. К тому же и само «революционно-консервативное» русофильство 1920-х — начала 1930-х годов не было последовательным и однородным. В сознании его приверженцев часто сосуществовали два образа России — великой державы и культурно-исторического феномена, — каждый из которых мог, порой независимо от другого, не только притягивать, но и отталкивать.

С одной стороны, в этом русофильстве нашла продолжение еще не забытая прусская внешнеполитическая традиция, следовавшая завету Фридриха Вильгельма I и включавшая в себя опыт совместной с Россией борьбы против Наполеона, сотрудничество с ней в Священном союзе и «пророссийские» дипломатические маневры Бисмарка. В Веймарской Германии эту линию будут отстаивать такие сторонники прагматичного курса в военных, дипломатических и академических кругах, как шеф рейхсвера генерал-полковник Г. фон Сект, адмирал и госсекретарь Министерства иностранных дел П. фон Хинтце, основатель Пангерманского союза граф Э. цу Ревентлов или профессор истории и автор передовиц в консервативной «Кройц-Цайтунг» О.Гетч⁴.

С другой стороны, смысл ожиданий и надежд, которые связывались в немецких консервативных кругах с Россией, может быть понят в контексте веяний, становившихся все более ощутимыми в интеллектуальной атмосфере Германии с конца XIX в. по мере усиления кризиса новоевропейской культуры. Неудовлетворенность плодами модерна в общественно-политической и этико-эмоциональной сферах выливалась здесь в критику рационалистического духа эпохи и поиск той «духовности», которая сможет преодолеть ограниченность рационального мышления и растущее социальное отчуждение. При этом привлекательность русского образа, навеянного русской же литературной классикой, заключалась преимущественно в тех его чертах, которые не были тронуты модернизационными переменами и оставались чуждыми Европе Нового времени. Возможно, именно поэтому культурная тяга к России была особенно ощутима в Германии, подарившей миру в вильгельмовский и веймарский периоды своей истории самые яркие образцы культуркритики и культурпессимизма. Романтический «исход» из современного общества с его прагматизмом и конкуренцией, обезличенностью социальных отношений и все более острыми конфликтами находил

⁵ Masaryk 1913: 7.

здесь свое символическое выражение как во времени, так и в пространстве. Образ России, хранившей в себе «детство Европы»⁵, мог пленять враждебное современности сознание своей близостью к культуре, во многом утраченной европейцами с началом Нового времени. Вместе с тем притяжение к этому образу имело ту же природу, что и жадный интерес к духовной традиции Востока, воспринятой в начале столетия как противостояние против скомпрометировавшего себя западноевропейского модерна.

⁶ Jung 2000: 155ff.

Таким образом, если в предшествующие времена тезис об азиатской природе русского «варварства» входил в число наиболее распространенных в Европе русофобских стереотипов⁶, то теперь встреча с русской культурой становилась для страждущих европейцев ближайшим «оазисом» в их духовном паломничестве на Восток. В Германии это влечение порой выливалось в почти религиозные ожидания грядущего из России исцеления мира. Мотивы такого нередко мистически окрашенного русофильства отчетливо слышны в творчестве Р.М.Рильке и Г.Кайзерлинга, Т.Манна и Х.Моргенштерна, Т.Лессинга и ряда других представителей немецкой литературной и художественной элиты⁷. Наряду с этими авторами среди тех, кто ратовал за сближение с Россией, диктовалось ли оно культурными или иными мотивами, были и одаренные политические публицисты, также обладавшие широким доступом к читающей публике и оказывавшие сильное влияние на ее умонастроения. Голоса некоторых из этих властителей немецких дум раздавались в Германии еще до первой мировой войны и не умолкали даже после ее начала.

⁷ См., напр. Барлах 1969: 84—86; Naumann 1993: 76—78; Rilke 1984; Belentschikov 1990; Keyserling 1898. О путешествиях в Россию молодого Кайзерлинга и его «русских» впечатлениях см. Современный Запад 1922: 154.

⁸ Подробнее см. Lübke 1963: 177—238. См. также Mann 1959; Burger 1917.

⁹ Среди немногих работ российских авторов, освещающих вклад немецкой военной публицистики в формирование мировоззрения «консервативной революции», см. Руткевич 2002; Пленков 2011.

¹⁰ Об этом произведении, по праву названном «шедевром германского славянофильства», но, к сожалению, до сих пор мало известном в России, см. Пармонов 1990: 152—158.

Разразившаяся в 1914 г. империалистическая бойня в ее «высшем» мировоззренческом измерении воспринималась в Германии как противоборство «наций героев» и «наций торговцев» (В.Зомбарт, М.Шелер), «идей 1914 г.» и «идей 1789 г.» (И.Пленге), «духа Азии» и «духа Европы» (Ф.Бюргер), социалистической «общности» и капиталистического «общества» (П.Наторп), «культуры» и «цивилизации» (Манн) и т.д.⁸ Каждая из этих оппозиций в конечном счете означала, с одной стороны, якобы обретавшее в Германии черты долгожданной реальности одухотворенное народное единство, с другой — лишенное этой духовности разобщенное и пошлое европейское существование⁹. В некоторых случаях России, увиденной через призму творчества ее великих писателей и тоже принятой за прообраз народной общности высшего порядка, предрекалось место рядом с Германией по одну сторону незримого духовного фронта. Так, написанные в годы войны «Размышления аполитичного» Манна были проникнуты не только антизападническим пафосом, но и страстной любовью к русской культуре и даже парадоксальным стремлением опереться на ее авторитет в попытке обосновать необходимость немецкой победы¹⁰. Здесь же великий писатель высказывал мысль о том, что родство духа и душ может и должно стать «основой и оправданием политических союзов». Эта убежденность вылилась в «потребность и мечту» его сердца: «примирение сейчас и соединение

¹¹ См. Mann 1959: 433. Схожие рассуждения см. Burger 1917: 51.

в будущем» России и Германии, которые, как он верил, «принадлежат друг другу»¹¹. Такая готовность к духовному «братанию» на Востоке тем более примечательна, что именно Германия, принявшая на себя всю накопленную российской культурной элитой нелюбовь к Западу, служила для той воплощением его «безбожия» и «бездуховности».

¹² См., напр. Эрн 1991а, 1991б.

NB! Возможно, самый яркий пример такого культурного отторжения — военная публицистика В.Ф.Эрна. Оценки, которые этот автор давал Германии как средоточию «отрицательных и богоубийственных энергий Запада», а также западным державам Антанты, с которыми Россия подружилась якобы «на любви и привязанности к родственным и близким святыням»¹², являют собой абсолютную противоположность тому, что писали в то время его немецкие коллеги. Вообще же сравнение военных манифестов представителей интеллектуальной элиты участвовавших в войне держав как нельзя более наглядно демонстрирует спекулятивный характер суждений подобного рода.

Однако в полную силу хор сторонников сближения с Россией звучал на заключительном этапе войны и сразу после поражения, когда в Париже и Веймаре определялись контуры будущего немецкого государства и очертания послевоенного европейского порядка. Подписание Версальского мира и учреждение Веймарского режима, ставших символами победы либерального Запада над Германией и внутри нее, придали немецкому национализму не только новый импульс, но и еще более ярко выраженную антизападную и антилиберальную направленность. Именно культурное и политическое отторжение Запада с его рационализмом, материализмом, индивидуализмом и парламентаризмом, составлявшее, собственно, смысл немецкой «консервативной революции», и явилось основной предпосылкой благожелательного интереса некоторых ее представителей к России. В их «восточной идеологии» слились воедино желание одних очиститься от западной «скверны» и причаститься к русской «духовности», уверенность других в великом предназначении Германии на востоке Европы и надежды третьих на альянс с Москвой и Коминтерном в борьбе против Антанты и веймарской демократии. Каждая из этих тем была по-своему развита Э.Никишем, К.О.Петелем, Г.Шварцем, Г.Гляйхеном, Е.Дидерихом и другими деятелями немецкого «революционного консерватизма». Однако свое первоначальное и наиболее сильное выражение вся совокупность этих тем нашла в творчестве литературного критика, культуролога и политического публициста А.Мёллера ван ден Брука, умевшего парадоксальным образом соединять благоговейное отношение к русской «духовности» с планами «благотворной» для России германской экспансии. Во многом именно ему немецкая «консервативная революция» была обязана своим названием, а также важнейшими, в том числе и «восточными», компонентами своей идеологии.

**«Нам в Германии
нужна
безусловная
русская
духовность»**

¹³ См.
Mereschkowski
1903.

¹⁴ См. *Moeller-Bruck* 1904: 307.

¹⁵ См. *Ibid.*: 307.
Спустя 10 лет
схожие мысли вы-
скажет *О. Шпенг-
лер* (см. *Spengler*
1963: 38, 45, 55).

¹⁶ См. *Moeller-Bruck* 1904: 307.

Можно предположить, что интерес к России зародился у Мёллера, как и у многих других немецких литераторов, благодаря изданной в 1903 г. на немецком языке и нашедшей широкий отклик книге Д. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский»¹³. Во всяком случае, «русская тема», имевшая поначалу сугубо литературную окраску, впервые зазвучала в его творчестве в опубликованном год спустя отзыве на эту работу. Здесь, не столько разбирая книгу Мережковского, сколько рассуждая вслед за ним о будущем русской и европейской культур, Мёллер заявлял о необходимости объединения «религиозного элемента», который европейцы смогут получить «исключительно из России», с «собственно культурным элементом», которым обладает Европа¹⁴. Уже в этом первом сочинении на «русскую» тему Мёллер, несмотря на свою пока еще европоцентристскую позицию, писал о происходящем в Европе «перемещении центра тяжести с Запада на Восток», которое, распространяясь также и на духовную плоскость, делает Россию «страной наших ожиданий». Правда, будущий немецкий националист тут же замечал, что еще до того, как это ожидание исполнится, его соотечественникам предстоит решить собственную всемирно-историческую задачу, а именно — создать высокую германскую культуру¹⁵.

Мечтая об органическом соединении мистического «русского» и мирского «европейского» элементов, Мёллер подхватил и на собственный лад интерпретировал важнейшую тему не только рецензируемой книги, но и всего творчества ее автора. В Толстом и Достоевском Мережковский распознал воплощение двух полярных начал Духа и Плоти, из слияния которых, как он верил, должен будет родиться «великий Третий» — русский Мессия и поэт Всечеловечества. В стремлении привести этот «чисто русский религиозный синтез» в согласие с европейской жадной культурного творчества Мёллер предлагал «обогатить и дополнить Запад Востоком» путем установления «синтетической связи» уже между Толстым и Ницше. Считая первого самым ярким выразителем русской религиозности, он находил в творчестве второго наиболее чистое выражение европейского начала и предвестие близкого расцвета германской культуры¹⁶. Убежденность Мёллера в судьбоносности связи этих гениев для Европы вытекала из присущего всему строю его мыслей стремления к «примирению крайностей», призванному обеспечить духовное богатство человека и оздоровить культурную и политическую жизнь целых народов. В этом стремлении немецкий литератор не только следовал собственной национальной традиции, представленной романтизмом, «интеллектуальным романом» и творчеством того же Ницше, но и явно вдохновлялся известным призывом Мережковского к соединению «двух краев бездны». Такими «краями» для Мёллера являлись олицетворенный Россией «Восток» и европейский «Запад». Германии же как медиуму культурного общения России и Европы предстояло, как он полагал, обогатиться самой и обогатить Европу русской «духовностью».

Уверенность в судьбоносном значении России для будущего немецкой культуры Мёллер пронесет через всю жизнь. Правда, очень скоро воплощением русской души и религиозности для него станет уже не Толстой, а Достоевский, полюбить творчество которого ему, скорее всего, помог все тот же Мережковский. Во всяком случае, встретившись в 1906 г. с четой Мережковских в Париже, он приступил вместе с ними к изданию первого немецкого полного собрания сочинений Достоевского¹⁷. В ходе этой работы, растянувшейся на полтора десятилетия, Мёллер написал большое количество вступительных эссе к томам русского классика, а также отдельных статей, в которых с неизменным пиететом отзывался о нем как о «центральном гении русской литературы»¹⁸. Более того, содержание и пафос этих работ позволяют утверждать, что превращение их автора из эстетствующего космополита в воинствующего немецкого националиста во многом происходило именно под влиянием Достоевского — «великого панслависта» и «певца русского народа-богоносца». Заражаясь от него способностью боготворить собственный народ, Мёллер все чаще заводил разговор о великом предназначении самих немцев. При этом он убеждал соотечественников, что они смогут исполнить свою миссию лишь после того, как отторгнут чуждые их национальному духу влияния «Запада» и обратятся к русскому «Востоку». Впрочем, несмотря на настойчивость подобных призывов, он мало заботился об описании конкретных форм предстоявшей немецкой смычки с Россией. По всей видимости, такие описания были вряд ли возможны, пока речь шла о русской «мистике», необходимой немцам в качестве бальзама от иссушающего воздействия рационалистического и прагматичного духа западной цивилизации.

Таким образом, даже встав на националистические позиции, Мёллер продолжал ратовать за немецкий «универсализм», способный покорять пространства чужих культур и впитывать из них то, что поможет укрепить национальное чувство немцев. Способствовать этому он намеревался и сам — в частности, своим фундаментальным трудом о ценностях разных народов, идея которого родилась у него в процессе издания сочинений Достоевского. Составленный им план предусматривал написание трех томов, в один из которых должны были войти книги под названиями «Немецкое мировоззрение» и «Русская душа»¹⁹. В них будущий идеолог немецкого национализма надеялся открыть соотечественникам «истинные» ценности взамен «ложных» идеалов новоевропейской культуры. Эта задача казалась Мёллеру тем более актуальной, что рано осознанная им неизбежность военного столкновения Германии со странами Западной Европы вытекала, по его убеждению, из их культурного антагонизма. Хотя задуманный им труд о «ценностях народов» так и не был написан, свои представления о «немецком мировоззрении» он успел раскрыть в восьмитомной серии биографических эссе о выдающихся государственных деятелях, писателях, философах и художниках различных эпох германской истории. Эту серию под общим названием «Немцы» Мёллер, уже видевший себя в роли «воспитателя

¹⁷ *Dostojewski 1906—1919.*

¹⁸ *См. Moeller van den Bruck 1933c: 34; 1933e: 185.*

¹⁹ *См. Mohler 1972: 403.*

²⁰ См. Moeller van den Bruck 1904—1910.

нации», адресовал молодому поколению соотечественников с тем, чтобы морально подготовить его к назревавшей схватке с Западом²⁰. Когда война наконец разразилась, он продолжил дело психологической мобилизации нации уже в качестве политического публициста.

**«Россия
слишком велика
для России...»**

²¹ См., напр. Moeller van den Bruck 1916b.

²² См., напр. Rohrbach 1917; Schiemann 1915, 1916; Haller 1915.

²³ Moeller van den Bruck 1933f: 136.

²⁴ Moeller van den Bruck 1933g: 156.

В своем стремлении к мировоззренческому обоснованию начавшейся «немецкой войны» Мёллер развивал свою излюбленную тему духовной нищеты Европы, грозящей неминуемой катастрофой Англии и Франции²¹. И все же тезис о превосходстве немецкой «культуры» над западной «цивилизацией» не находил в его статьях выражения, сравнимого по силе с патриотической риторикой Зомбарта, Шелера или Манна. Но он оставался чужд и той оголтелой русофобии, глашатаями которой выступали П.Рорбах, Т.Шиман, Й.Галлер и другие, менее именитые, авторы²². Зато необходимость одновременных действий Германии против духовно «чуждого» Запада и духовно «близкого» Востока получила у него самую развернутую аргументацию. «Если бы Россия, — писал он в 1916 г., — была способна действовать в духе Петра Великого и последовательно осуществлять русскую идею, она вела бы эту войну, призванную раз и навсегда развести старый и новый миры в Европе, вместе с нами и против Запада. Вместо этого русские дали нам право самим вести восточную политику и распространять посредством ее культуру, которая, оставаясь до поры европейской, будет в конце концов немецкой»²³. В конечном итоге внешнеполитическая концепция Мёллера вылилась в чеканный тезис: «Россия слишком велика для России... Германия слишком мала для Европы»²⁴.

²⁵ Ibid.: 137.

²⁶ Moeller van den Bruck 1933f: 138.

²⁷ См., напр. Moeller van den Bruck 1916a.

Полагая, что Россия бессильна уладить проблемы Восточной Европы, немецкий националист утверждал, что Германия «волей природы и силой обстоятельств» призвана взять решение этих проблем на себя. Именно здесь, на Востоке, «на этом невообразимо огромном пространстве с множеством народов, стран и возможностей кроется значительная часть будущей человеческой истории, — доказывал он, — и в этом Востоке мы, принадлежащие ему половиной нашей собственной сущности или, по крайней мере, наполовину граничащие с ним, мы сами должны принять участие, если хотим иметь часть в будущем: воздух для дыхания, простор для движения, время для развития»²⁵. Таким образом, «восточная ориентация» Мёллера сулила немцам не только осуществление их исторической миссии, но и спасение. «Чем больше мы вбираем в себя Запад, тем ближе мы к роковой судьбе всех старых народов», — убеждал он соотечественников. И наоборот, «чем больше сил мы впитываем с Востока в расовом, хозяйственном, политическом и духовном плане, тем больше мы омолаживаем себя как народ»²⁶.

Очевидно, что в своих оценках предстоявшего Германии исторического выбора Мёллер вдохновлялся рожденным немецкой романтикой и развитым Достоевским мифом о «молодых» народах, которые в избытке сил бросают вызов «старым» нациям дряхлеющей Европы²⁷.

Но еще громче этот мотив зазвучал в публицистике Мёллера тогда, когда силы самой Германии истощились в проигранной ею войне. Более того, его надежда на возможность «омоложения» немцев путем приобщения их к Востоку сменилась в послевоенный период уверенностью в их собственной «молодости» и готовности к водительству среди других «молодых» народов. Эта идея была развернута им в книге «Право молодых народов»²⁸, опубликованной при поддержке германского МИДа после заключения перемирия, где содержалось обоснование и тех целей, которые Германия преследовала в войне, и тех надежд на «добрый мир», которые миллионы немцев продолжали питать в ожидании мирной конференции. И хотя эта работа не вызвала ожидавшегося резонанса за рубежом, в самой Германии она обеспечила автору безусловный авторитет среди приверженцев «нового немецкого национализма» и возможность претендовать на роль основоположника этого движения.

Естественно, что трактат о «Праве молодых народов» был адресован в первую очередь немцам, в молодости которых автора убеждала уже одна их способность к быстрому численному росту. Однако в основу различения «молодых» и «старых» народов он положил не столько количественные, сколько качественные показатели. Молодость означала для Мёллера не возраст в его обычном понимании, но близость к животворным природным истокам, которая могла сохраниться и по прошествии долгого времени. Поэтому оппозиция «молодых» и «старых» народов несла в себе, с одной стороны, почвеннический идеал органической народной общности, а с другой — противоположное этому идеалу, но неизменно связанное с ним представление о погрязшем в индивидуализме современном обществе. Понятый таким образом возраст народов оказывался атрибутом все тех же абстракций «духовно сплоченного Востока» и «духовно разобщенного Запада». Данный дихотомический ряд продолжался в антитезе «социализма», к которому тяготеют «молодые» народы Востока, и «либерализма», который стал следствием и выражением «старости» народов Запада²⁹. В конечном счете именно природной стихией, бурлящей в каждом «молодом» народе, Мёллер объяснял способность немцев к самоотречению, динамизм их хозяйственной жизни и волю к экспансии — словом, все то, что якобы заставило утратившие творческий порыв народы Англии и Франции втянуть Германию как опасного конкурента в непосильную для нее войну³⁰.

Приводившиеся Мёллером свидетельства молодости немцев — их быстрый рост, взрывающий рамки отведенного им пространства, их верность своему идеалу и поиск воплощающих его политических форм — ясно указывали на то, что настоящая борьба немцам еще только предстоит³¹. Но этот же перечень отражал и крайнюю неудовлетворенность консервативного сознания «неподлинным» внутренним состоянием Германии, жажду ее скорого и радикального преобразования. Иначе говоря, необходимость перемен внутри страны и за ее пределами воспринималась как двуединая задача, которую диктовала немцам

²⁸ *Moeller van den Bruck 1919.*

²⁹ *См. Ibid.: 45.*

³⁰ *См. Ibid.: 7, 45.*

³¹ *См. утверждение Г.Кёнена, что притягательность мифа о «молодых народах» в послевоенной Германии была обусловлена желанием противников Версаля и Веймара вырваться за пределы того миропорядка, который установили победители (Kopelev, Koenen 1998: 28).*

их молодость и от решения которой зависело их выживание. Впрочем, и тогда, когда эта молодость представлялась небесспорной, сохранить решимость к борьбе на стороне «молодых народов» помогала модифицированная версия того же мифа. Следуя ей, соратник Мёллера М.Х.Бём уточнял, например, что борьба в современном мире развернулась уже не столько между старыми и молодыми, сколько «между безнадежно устаревшими и способными к омоложению нациями»³².

³² Boehm 1923: 324.

В противоборстве «молодых» и «старых» народов Мёллер видел неумолимый закон природы, а также истории, которая всегда оставалась для него «природным процессом»³³. С этих позиций ему открывался не только исторический смысл прошедшей войны, но и бессмысленность ее финала. Вполне естественно, что исход любого противоборства вряд ли может устроить тех, кто терпит в нем поражение. Однако в свете мифа о «молодых» народах разгром Германии в первой мировой войне представлялся несправедливостью всемирно-исторического масштаба, поскольку поверженной здесь оказалась сила, которая объективно более других нуждалась в победе. В осознании открывшейся истины Мёллер и написал свою апологию побежденной Германии, а заодно наметил фантастические перспективы послевоенной немецкой экспансии. В «стране сказочных грез», в которую превратилась Германия на время перемирия³⁴, эта утопия, возможно, не казалась бы столь смелой, будь она предназначена исключительно для «внутреннего» потребления.

³³ Moeller van den Bruck 1919: 25.

³⁴ Troeltsch 1924: 69.

Как заявлял сам Мёллер, его книга была обращена не только к немцам, но и ко «всем молодым народам» — как дружественным Германии, так и находившимся до поры в стане ее врагов. Более того, он надеялся, что его послание услышат и «молодые представители старых народов» во враждебных и нейтральных странах. Вместе с тем у этого послания был и вполне конкретный адресат — американский президент В.Вильсон, предложивший в январе 1918 г. программу мира, в которой, по его заверению, не было «ничего, что могло бы унижить величие Германии»³⁵. Вторя официальной немецкой пропаганде, Мёллер утверждал, что именно доверие к Вильсону и заложенной в его программе «идее справедливости» заставило державы Тройственного союза прервать военные действия и вступить в мирные переговоры с Антантой³⁶. Но все же, рисуя «детскую наивность» неискушенных в политике «молодых» народов и изошренное политиканство «старых» наций Антанты, Мёллер не скрывал своего двойственного отношения и к самому президенту-миротворцу. С одной стороны, он изображал Вильсона «моралистом, осознавшим свой долг перед побежденными народами», с другой — «политиком, так и не понявшим до конца тех целей, которые молодые народы отстаивали в войне»³⁷. Поэтому его книга содержала и обращенный к Вильсону призыв учесть немецкие интересы, и полемику с ним в надежде разъяснить принципы, на которых должен строиться будущий мир, чтобы стать если не вечным, то достаточно долговременным для предстоявшей «молодым» народам созидательной работы.

³⁵ Эти слова Вильсона Мёллер сделал эпиграфом к своей книге и даже вынес на ее обложку.

³⁶ Moeller van den Bruck 1919: 115.

³⁷ Ibid.: 112.

«Молодые народы не требуют ничего, кроме пространства, на котором смогут жить и творить»

Основная мысль, которую Мёллер стремился донести до читателей своей книги, заключалась в том, что мирный договор, призванный согласно наказу американского президента утвердить справедливость для всех стран, не станет таковым, если будет подчинен идеям «старых» народов. Чтобы этот мир был действительно справедливым, его творцы должны принять во внимание интересы «молодых» народов. Ввиду явной порочности созданной вскоре Версальской системы с последним утверждением можно было бы согласиться, уточнив, что возраст народов, интересы которых она попирала, на самом деле не имел никакого значения. Однако истинный смысл книги Мёллера раскрывается лишь в свете его представлений о тех проблемах, которые предстояло решить при заключении мира и которые были для него почти исключительно «немецкими проблемами». При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что суть этих проблем вполне умещается в коротком слогане: «народ без пространства»³⁸.

³⁸ Ученик Мёллера и издатель его посмертных публикаций Г.Шварц утверждал, что Г.Гримм, которого принято считать автором этого популярного в немецких националистических кругах слогана, перенял его у Мёллера (см. Schwarz 1932: 692).

Подчеркивая разницу природных потенциалов, заложенных в «старых» и «молодых» народах, или говоря о противоположности их духовных и политических свойств, Мёллер постоянно возвращался к тому различию между ними, которое волновало его больше всего: богатству первых и бедности вторых. «У старых народов, — сетовал он, — есть все, что им нужно. У них есть почва. Они владеют и потребляют. Они сохраняют с миром все, что наследуют, и получают с ним больше того, в чем могут нуждаться»³⁹. В сравнении с избыточным «довольством и достатком», в котором живут «старые» народы, положение их «молодых» соперников казалось Мёллеру еще более отчаянным и несправедливым. Главный источник этой несправедливости заключался для него в неравномерном распределении пространства между способными к быстрому росту «молодыми» и утратившими такую способность «старыми» нациями Европы. Невозможность для «молодых» народов существовать в пределах их прежних границ представлялась Мёллеру очевидной: «Все старые народы сегодня могут жить в своих странах, все молодые народы жить в своих странах не могут»⁴⁰. Именно с этим обстоятельством было связано то «право», о котором возвещал миру немецкий националист и которое оказывалось в конечном счете правом на дополнительное жизненное пространство. «У молодых народов нет ничего, — писал он, — у них есть лишь они сами в том месте, в котором они находятся со своими притязаниями и с правом на реализацию этих притязаний»⁴¹.

³⁹ Moeller van den Bruck 1919: 99—100.

⁴⁰ Ibid.: 113.

⁴¹ Ibid.: 100.

«Каждому народу свое, — заявлял Мёллер, — старым народам свое, и молодым — свое!»⁴² И уточнял: «Молодые народы не требуют ничего, кроме пространства, на котором смогут жить и творить... Они претендуют быть на земле там, жить и работать там, где им укажет природа»⁴³. Однако столь смело заявленные претензии не были призывом к продолжению старого пангерманского курса. Наученный опытом войны, Мёллер признавал, что в Европе теперь «не завоевать и пяди земли». Поэтому, по его мнению, Германия должна была повернуться

⁴² Ibid.: 10.

⁴³ Ibid.: 101, 113.

спиной к Западу и обратить свое внимание на Восток, в сторону России. Движение в этом направлении казалось ему не только единственным способом решения «немецкой проблемы», но и шансом обрести пространство для приложения сил немецкого народа. Тем самым в новых исторических условиях он ясно продемонстрировал свойственную националистическому сознанию убежденность в двуедином характере задач спасения нации и выполнения ее исторического предназначения. В его «Праве молодых народов» эта убежденность вылилась в новый призыв к немецкому посредничеству между Европой и Россией, получивший теперь не только культурфилософское, но и геополитическое обоснование. И если крах империи Гогенцоллернов не поколебал давней веры Мёллера в исключительную способность Германии «все дальше продвигать развитие Запада на Восток, передавать Запад Востоку, будить Восток», то распад державы Романовых укрепил его в мысли о неспособности России решать «проблемы Востока»⁴⁴.

⁴⁴ *Ibid.*: 102, 105.

Как это ни парадоксально, но немецкие усилия по «включению Востока в Европу» представлялись Мёллеру благотворными для всех участников данного процесса. С его точки зрения, «организующее и упорядочивающее» немецкое вмешательство в русские дела было необходимо как самой России (ввиду наступавшей вслед за революционным хаосом «примитивизации всех сфер российской жизни»), так и Европе (ибо Россия уже «включена в европейские связи»). По-прежнему не утруждая себя прорисовкой конкретных аспектов своей «восточной ориентации», Мёллер все же давал понять, что теперь она будет носить мирный характер. Он отдавал себе отчет в том, что «немцы смогут завоевать Россию лишь своей созидательной работой»⁴⁵, и считал их важнейшей задачей «интенсификацию труда» на всем европейском Востоке, ведь эта интенсификация «никогда не произойдет здесь, если не придет извне, из Германии»⁴⁶. Впрочем, свою уверенность в готовности «молодых» народов признать лидерство Германии он подкреплял ссылками не столько на возможные выгоды от ее хозяйственной опеки, сколько на преимущества, которые им сулило ее покровительство в противостоянии «старым» нациям Европы⁴⁷.

⁴⁵ *Ibid.*: 105.

⁴⁶ *Ibid.*: 103.

⁴⁷ *См. Ibid.*: 111.

По сути, за романтическим флером мифа о «молодых» народах скрывалась идея если не грубой силы, то явного превосходства. Эта декларация права Германии миром получить то, что ей не принадлежало и чего она не добилась путем войны, выглядит особенно самонадеянной в условиях, когда стране вот-вот предстояло самой стать объектом «империалистического грабежа». Однако и после того, как державы Антанты, подписав Версальский договор, реализовали за ее счет свое право сильного, «восточная тема» не только не утратила актуальности для немецких националистов, но, наоборот, заняла в их публицистике еще более видное место. Одновременно расширился и спектр их интерпретаций данной темы, поскольку ее геополитический, экономический и культурный аспекты теперь дополнились идеологическим — отношением к утвердившейся в России большевистской диктатуре.

Радикальный характер произошедших в России перемен не мешал Мёллеру, уже ставшему к тому времени признанным экспертом по «восточному вопросу», опираться в их истолковании на те представления о России, которые сложились у него и его соотечественников задолго до Октябрьского переворота. Такая живучесть старых стереотипов отчасти объясняется тем, что они формировались под влиянием Достоевского, который с легкой руки Мережковского, а вслед за ним и самого Мёллера, давно слыл в Германии «пророком русской революции»⁴⁸. То, что «буря», которую предрекал Достоевский, разразилась, да еще с тем поистине апокалиптическим размахом, который оправдал худшие ожидания писателя, казалось самым убедительным подтверждением всего сказанного им когда-то о России и русских. Во многом именно этим был вызван взрыв интереса к Достоевскому в Германии первых послевоенных лет, когда миллионы немцев вчитывались в его произведения в надежде постичь истоки и смысл русского коммунизма⁴⁹. И когда Достоевский, предвидевший «страшные муки», в которых родится «самостоятельная русская идея», утвердился наконец в славе пророка, отблеск этой славы лег и на Мёллера, который едва ли не первым из европейцев проник в сокровенный смысл его послания. И действительно, вторя любимому писателю, он предупреждал о пагубности революционного «беснования» для России и Европы еще за 10 лет до того, как русский большевизм явил себя миру.

После 1917 г. отношение Мёллера к России выражалось преимущественно в его оценках советской внешней политики. Немецкий националист не устал предупреждать читателей против коварства большевиков, пытавшихся, как он утверждал, заигрывать одновременно с Германией и Западом. И все же он оставался убежденным сторонником сотрудничества Германии и России, поскольку первая «имеет все, чего недостает России», а вторая «обладает всем, в чем нуждается Германия»⁵⁰. Как показывает реакция Мёллера на Рапальский договор, это сотрудничество было для него желанным прежде всего потому, что «да», которое Германия говорила России, означало «нет» Западу. Причем свои надежды на осуществление этой, по его мнению, истинно «национальной» и единственно возможной «социалистической» политики он возлагал не на правителей, но на народы обеих стран, которым, в отличие от политиков, «должно принадлежать последнее слово» в их взаимоотношениях⁵¹.

Связывая сотрудничество с Советской Россией с возможностью совершить в Германии подлинно «национальную» революцию, Мёллер демонстрировал (правда, задним числом) почти такую же готовность к германо-советскому сближению, как и «левые» приверженцы пролетарского интернационализма. В частности, он сожалел о том, что немецкий рабочий класс не обратился в ноябре 1918 г. за прямой военной поддержкой к России, доверившись вместо этого обещаниям «международной демократии». Причина этой трагической ошибки заключалась, с его точки зрения, в неправильной, то есть «внутриполитиче-

⁴⁸ *Статья Мережковского о Достоевском «Пророк русской революции» впервые была напечатана в 1907 г. в качестве введения к опубликованным им совместно с Мёллером материалам из «Дневника писателя» (см. Mereschkovski 1907: VII—XXXIX).*

⁴⁹ *О немецком «культе» Достоевского, установившимся в Германии в первые годы Веймарской республики, подробнее см. Коенен 1998: 763—789. Эта тема, как и другие сюжеты, связанные с изданием Мёллером и Мережковским произведений Достоевского, рассмотрена также в Garstka 1998.*

⁵⁰ *Moeller van den Bruck 1933d: 187.*

⁵¹ *Ibidem.*

⁵² См. *Ibid.*: 189.

ской», ориентации германского пролетариата, не успевшего осознать свою главную, «внешнеполитическую» задачу⁵². Таким образом, давний призыв Мёллера учиться у России искусству противостояния Западу был обращен уже не только к немецкой консервативной элите, но и к революционным силам, причем теперь с ним связывалась необходимость как духовной, так и военной конфронтации с Европой. Другим, не менее примечательным элементом новизны в его взглядах было то, что наставником немцев в антизападничестве на этот раз был избран не Достоевский, а русский большевизм — идейный наследник тех самых «бесов», которых так ненавидел русский писатель-консерватор.

⁵³ *Ibid.*: 187.

Учитывая особую притягательность русского примера для немецкого пролетариата, Мёллер постарался дать такую трактовку российской революции, которая, как он надеялся, помогла бы немецким рабочим увидеть ее сугубо национальный смысл. «Немецкие революционеры 1918 г., — писал он, — не понимали того, что с каждым годом все больше понимают русские, а именно, что настоящая революция в нашу эпоху может быть только революцией против Запада»⁵³. Осознание этого факта немецким рабочим, считал Мёллер, позволило бы ему «встать не ниже русского, а вровень с ним». С похвалой он отзывался и о созданной большевиками Красной Армии, явившей собой «образец вооруженного пролетариата, убежденного в необходимости насилия ради победы своего дела»⁵⁴. В то же время Мёллер призывал учиться не только на достижениях, но и на ошибках русской революции. В частности, он напоминал о хозяйственной разрухе и нищете, вызванных политической военной коммунизмом, и тут же цитировал слова К. Радека о необходимости сохранения в будущей немецкой революции промышленного потенциала Германии, который пригодится «для победы общего немецко-русского дела»⁵⁵. Возможно, он и сам хотел видеть в этих указаниях одного из ведущих деятелей Коминтерна свидетельство начавшегося националистического перерождения коммунистического движения и переориентации большевистских вождей с «борьбы классов» на «борьбу наций».

⁵⁴ *Ibid.*: 190.

⁵⁵ См. *Ibid.*: 189.

**«Мы придем
не грозящими
и незваными,
но дающими и
примиряющими...»**

«Безусловная надежда на Восток» как оборотная сторона столь же решительного неприятия Запада была свойственна в послевоенной Германии не только Мёллеру или некоторым его соратникам по «консервативной революции». Ту же тягу к Востоку, олицетворением которого служила Россия, испытывала в те годы и часть немецких интеллектуалов, не входивших в «революционно-консервативный» лагерь, но на собственный лад продолжавших духовное «противоборство с Европой», начатое еще романтиками Йены и Гейдельберга. Они также видели в России, с одной стороны, пространство для приложения собственной энергии немцев, а с другой — источник «молодых», еще не растраченных сил, к которому можно будет припасть еще до того, как окончательно иссякнет творческий потенциал западной цивилизации⁵⁶.

⁵⁶ Подробнее об этом см. Mohler 1972: 406.

В частности, эти умонастроения выражал Лессинг, когда писал о «диких, незащищенных ростках германско-языческой древности», поникших «в ухоженном саду латинской культуры», и о «напряжении», обусловленном разницей исторических эпох, к которым принадлежали германский мир и латинский Запад⁵⁷. Классик «культуркритики» тоже полагал, что первая мировая война, став рубежом, окончательно разделившим эти миры и эпохи, оставила Германии лишь один путь для дальнейшего роста — на Восток. Вступив на него, немцы уже никогда не вернутся в «сад своей юности», в котором их народность облагораживалась латинской культурой, но ею же и подавлялась. По его мнению, вектор этого движения задан общностью немецкого и русского духа, а его итогом станет формирование пространства, в котором немцы смогут наконец занять свое «достойное место»⁵⁸.

В националистических кругах Веймарской Германии тезис о близости немцев и русских тоже порой подкреплялся ссылками на метафизическую «одновременность» их существования, пусть даже в рамках разных эпох, отделенных друг от друга целыми столетиями. Так, присутствующее консервативному сознанию представление о цикличности времен позволяло Шпенглеру усматривать в нынешнем состоянии славян «соответствие той исторической поре, на которую пришла зоря германской культуры»⁵⁹. Эта аналогия, иллюстрировавшая идею «заката Европы», по сути, повторяла мысль Мёллера об осуществленном современным славянством «таинственном возврате арийства к своим истокам»⁶⁰. Оба автора, несмотря на различия их культурфилософских взглядов, считали одинаково нужным сослаться на кровное родство двух народов как еще один залог их культурной комплементарности. И если Мёллер, доказывавший необходимость прививки немцам мистики Достоевского, объяснял ее чистотой сохраненной русскими арийской крови⁶¹, то Шпенглер на том же основании надеялся на успех ученичества у русского писателя будущих немецких романистов⁶². И все же нетрудно заметить, что конечной подоплекой рассуждений о немецко-русской духовной общности в каждом из этих случаев было все то же антизападничество. На России скрещивались взгляды Мёллера, призывавшего к отходу от Запада, Лессинга, проклявшего западную культуру как носительницу смертельной угрозы, и Шпенглера, возвестившего о скорой смерти самой этой культуры.

После отпора, полученного Германией в ходе войны на Западе, пророчества о ее мирной миссии на Востоке служили для немецкой культурной элиты, пожалуй, не меньшим утешением, чем прорицания скорого «заката Европы». В этих условиях по-своему актуально звучала мысль А.Паквета о том, что если Германия и сможет в дальнейшем покорять мир, то достигнет этого, в противоположность «империалистическому Западу», уже не капиталами и силой оружия, а «людьми, образованием и техникой»⁶³. Призыву Паквета оплодотворять русские просторы талантом немецких первопроходцев, инженеров и организаторов вторил тот же Лессинг. И хотя культуркритик полагал, что немцы

⁵⁷ См. *Lessing 1924: 446.*

⁵⁸ *Ibidem.*

⁵⁹ *Spengler 1963: 45.*

⁶⁰ *Moeller van den Bruck 1908: XV.*

⁶¹ См. *Ibid.: VIII—IX.*

⁶² См. *Spengler 1963: 55—56.*
Представления о русской культуре и ожидавшем ее будущем, которые Шпенглер высказывал в конце 1910-х — начале 1920-х годов, настолько созвучны более ранним мыслям Мёллера, что неизбежно возникает предположение об оказанном на него влиянии. Об интенсивных контактах Шпенглера с семьей Мёллеров см. Koptanek 1968: 259—260.

⁶³ См. *Koepen 1995: 365ff.*

«являются для славянских народов тем, чем были латиняне для англов, саксов и франков», он подчеркивал, что его соотечественники должны идти на Восток «не грозящими и незваными, но дающими и примиряющими»: «Направив на ждущие оплодотворения нивы России поток нашей молодежи, ставшей лишней в слишком тесном для нее отечестве, мы сможем вернуть утраченное, если отдадим то, чем сами владеем в избытке»⁶⁴. Схожие мысли высказывал и Шпенглер. Увлеченный собственной идеей о несовместимости русской культуры с машинной индустрией и товарно-денежными отношениями, он также считал немцев призванными «вести русские дела к выгоде России». Эти практические рекомендации пророка «заката Европы» были, конечно, связаны не только с его культурфилософскими взглядами, но и с прогнозом о военном и политическом лидерстве Германии в рамках наступившей цивилизации. Однако, говоря о России, он настаивал, что немецкое продвижение сюда ни в коем случае не должно означать военного вторжения, ибо тогда оно окажется на руку лишь «англо-французскому финансовому капиталу»⁶⁵.

⁶⁴ Lessing 1924: 446.

⁶⁵ См. Koktanek 1968: 262.

⁶⁶ См., напр. Moeller van den Bruck 1933b: 198—199. Впрочем, надежды, которые связывали с Востоком ненавистники Запада в России, заключали в себе то же противоречие. Так, Достоевский мечтал о том, что русские, на которых в Европе смотрят с высокомерием, придут в Азию как «господа» и «европейцы».

⁶⁷ Кейнс 1924: 99. Примечательно, что Мёллер высказывал, в сущности, ту же мысль относительно урока, который должны извлечь русские из поражения в войне, призывая их «вернуться туда, откуда они пришли: на Восток, в Азию, в место их обетования и будущего великого собирания» (Moeller van den Bruck 1933a: 163).

Так в новых условиях оживала знакомая уже славянофилам мечта о соединении русской духовности с материальными достижениями Запада. Любопытно, что миссия, которую поборники немецкой самобытности отводили при этом собственной стране, заключалась в прививке России столь нелюбимого ими же «западного» начала. Ведь они намеревались нести сюда не что иное, как воплощавшие рационалистическую цивилизацию Запада научные знания, машинную технику и бюрократическую организацию хозяйства⁶⁶. К тому же в своих восточных устремлениях они могли рассчитывать на сочувствие их западных антагонистов, от которых зависела послевоенная участь Германии. По сути, их же надежды выражал выступавший тогда в качестве эксперта по репарационному вопросу Дж.Кейнс: «Протекут еще многие годы, прежде чем Германия сможет обратить свои взоры на запад. Будущее Германии лежит на востоке, и когда ее надежды и честолюбие вновь оживут, они, наверное, толкнут ее в эту сторону»⁶⁷.

К сожалению, пророчество знаменитого англичанина найдет свою реализацию не столько в воплощении культуртрегерских идей немецкой интеллигенции, сколько в предпринятой нацистами в 1941 г. попытке внедрения собственного порядка в извечный российский «хаос». Вместе с тем нельзя не заметить, что при всей дистанции, отделявшей романтические представления о созидательной немецкой миссии на Востоке от Генерального плана «Ост», в обоих случаях речь шла о своего рода компенсации за крах предшествующей экспансии в результате отпора со стороны Запада. В конечном счете высказанные в начале 1920-х годов даже в самой мирной форме мечты о культурном реванше униженной нации развивали традицию культуримпериализма предвоенных лет и таили в себе немалый экспансионистский потенциал. Преклонение немецких «революционных консерваторов» перед русской

духовностью отнюдь не исключало ни их хозяйского взгляда на «бесхозные» просторы России, ни представлений о «неоформленности славянской природы», превращавшей русский народ в постоянный объект чужеземного господства. Вероятно, этим можно объяснить поразительное отсутствие интереса в националистических кругах Германии к тому, насколько желанными были плоды немецкого просвещения для самой России и в какой степени эти плоды могли привиться на русской духовной почве.

Библиография

- Барлах** Э. 1969. Рассказанная жизнь // *Мастера искусства об искусстве*. Т. 5. Кн. 2. — М.
- Кейнс** Дж.М. 1924. *Пересмотр мирного договора*. — М., Л.
- Лакер** У. *Россия и Германия. Наставники Гитлера*. — N.Y.
- Люкс** Л. 2002. *Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе*. — М.
- Парамонов** Б. 1990. Шедевр германского «славянофильства»: О «Размышлениях аполитичного» Томаса Манна // *Звезда*. № 12.
- Пленков** О.Ю. 2011. *Триумф мифа над разумом*. — М.
- Руткевич** А.М. 2002. Послесловие // Шпенглер О. *Пруссачество и социализм*. — М.
- Современный Запад**. *Журнал литературы, науки и искусства*. 1922. Кн. 1. — Пб.
- Эрн** В.Ф. 1991а. От Канта к Круппу // Эрн В.Ф. *Сочинения*. — М.
- Эрн** В.Ф. 1991б. Время славянофильствует // Эрн В.Ф. *Сочинения*. — М.
- Bahar** A. 1992. *Sozialrevolutionärer Nationalismus zwischen Konservativer Revolution und Sozialismus: Harro Schulze-Boysen und der «Gegner»-Kreis*. — Koblenz.
- Belentschikov** V. 1990. *Rußland und die deutschen Expressionisten*. — Frankfurt a.M.
- Boehm** M.H. 1923. *Europa Irredenta. Eine Einführung in das Nationalitätenproblem der Gegenwart*. — Berlin.
- Burger** Fr. 1917. *Einführung in die moderne Kunst*. — Berlin.
- Dostojewski** F.M. 1906—1919. *Sämtliche Werke*. Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkovski, Dmitri Philosophoff und Anderen herausgegeben von A. Moeller van den Bruck. Bd. 1—22. — München, Leipzig.
- Dupeux** L. 1985. «Nationalbolschewismus» in Deutschland 1918—1933. *Kommunistische Strategie und konservative Dynamik*. — München.
- Dupeux** L. 1998. Im Zeichen von Versailles. Ostideologie und Nationalbolschewismus in der Weimarer Republik // Koenen G., Kopelev L. (Hrsgg.) *Deutschland und die russische Revolution 1917—1924*. — München.
- Fritsche** K. 1976. *Politische Romantik und Gegenrevolution. Fluchtwege in der Krise der bürgerlichen Gesellschaft: Das Beispiel des «Tat»-Kreises*. — Frankfurt a.M.

Garstka Ch. 1998. *Arthur Moeller van den Bruck und die erste deutsche Gesamtausgabe der Werke Dostojewskijs im Piper-Verlag 1906—1919*. — Frankfurt a.M.

Haller J. 1915. *Deutschland und Russland*. — Tübingen.

Hecker H. 1974. *Die Tat und ihr Osteuropa-Bild. 1909—1939*. — Köln.

Jung W. 2000. *Ideologische Voraussetzungen, Inhalte und Ziele außenpolitischer Programmatik und Propaganda in der deutschvölkischen Bewegung der Anfangsjahre der Weimarer Republik — Das Beispiel Deutschvölkischer Schutz- und Trutzbund*. Dissertation zur Erlangung des philosophischen Doktorgrades an der Philosophischen Fakultät der Georg August-Universität zu Göttingen. — Göttingen.

Keyserling R. 1898. *Vom japanischem Meer zum Ural. Eine Wanderung durch Sibirien*. — Breslau.

Koenen G. 1995. Überprüfungen in einem «Nexus». Der Bolschewismus und die deutschen Intellektuellen nach Revolution und Weltkrieg 1917—1924 // *Tel-Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte*. Bd. XXIV.

Koenen G. 1998. Bilder mythischer Meister. Zur Aufnahme der russischen Literatur in Deutschland nach Weltkrieg und Revolution // Koenen G., Kopelev L. (Hrsgg.) *Deutschland und die russische Revolution. 1917—1924*. — München.

Koenen G. 2005. *Der Russland-Komplex. Die Deutschen und der Osten: 1900—1945*. — München.

Koktanek A.M. 1968. *Oswald Spengler in seiner Zeit*. — München.

Kopelev L., Koenen G. 1998. Verlorene Kriege, gewonnene Einsichten. Rückblick vom Ende eines Zeitalters. Ein Gespräch // Koenen G., Kopelev L. (Hrsgg.) *Deutschland und die russische Revolution. 1917—1924*. — München.

Lessing Th. 1924. *Untergang der Erde am Geist: Europa und Asien*. — Hannover.

Lübbe H. 1963. *Politische Philosophie in Deutschland. Studien zu ihrer Geschichte*. — Stuttgart.

Mann T. 1959. *Betrachtungen eines Unpolitischen*. — Berlin.

Masaryk Th.G. 1913. *Zur Russischen Geschichts- und Religionsphilosophie. Soziologische Skizzen*. — Jena.

Mereschkowski D. 1903. *Tolstoi und Dostojewski als Menschen und als Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens*. — Leipzig.

Mereschkowski D. 1907. Zur Einführung. Bemerkungen über Dostojewski // Dostojewski F.M. *Sämtliche Werke*. Bd. 13. — München, Leipzig.

Moeller-Bruck A. 1904. Tolstoi, Dostojewski und Mereschkowski // *Das Magazin für Litteratur*. Jg. 73.

Moeller van den Bruck A. 1904—1910. *Die Deutschen. Unsere Menschengeschichte*. — Minden.

- Moeller van den Bruck** A. 1908. Rodion Raskolnikov // Dostojewski F.M. *Sämtliche Werke*. Bd. 1. — München, Leipzig.
- Moeller van den Bruck** A. 1916a. Die alten und die jungen Völker // *Der Tag*. 22.07.
- Moeller van den Bruck** A. 1916b. Abkehr vom Westen // *Der Tag*. 6.10.
- Moeller van den Bruck** A. 1919. *Das Recht der jungen Völker*. — München.
- Moeller van den Bruck** A. 1933a. Beharrung und Wechsel in der russischen Politik // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland*. — Berlin.
- Moeller van den Bruck** A. 1933b. Die deutsch-russische Seite der Welt // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland*. — Berlin.
- Moeller van den Bruck** A. 1933c. Die russische Dichtung // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland*. — Berlin.
- Moeller van den Bruck** A. 1933d. Politik wider Willen // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland*. — Berlin.
- Moeller van den Bruck** A. 1933e. Rußland, der Westen und wir // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland*. — Berlin.
- Moeller van den Bruck** A. 1933f. Unser Problem ist der Osten // Moeller van den Bruck A. *Rechenschaft über Rußland*. — Berlin.
- Moeller van den Bruck** A. 1933g. *Der politische Mensch*. — Breslau.
- Mohler** A. 1972. *Die konservative Revolution in Deutschland: 1918—1932. Ein Handbuch*. — Darmstadt.
- Naumann** H. 1993. *Rußland in Rilkes Welt*. — Rheinfelden.
- Rilke und Rußland**. 1984. — Frankfurt a.M.
- Rohrbach** P., Schmidt A. 1917. *Die russische Revolution*. — Stuttgart.
- Schüddekopf** O.-E. 1960. *Linke Leute von rechts. Die national-revolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik*. — Stuttgart.
- Schiemann** Th. 1915. *Rußland auf dem Wege zur Revolution*. — Berlin.
- Schiemann** Th. 1916. *Russische Köpfe*. — Berlin.
- Schwarz** H. 1932. Ueber Moeller van den Bruck // *Deutsches Volkstum. Halbmonatsschrift*. 1.09.
- Seeckt** J.F.L. von. 1940. *Deutschland zwischen West und Ost*. — Hamburg.
- Spengler** O. 1963. *Briefe 1913—1936*. — München.
- Taschka** S. 1999. *Das Rußlandbild von Ernst Niekisch*. — Erlangen, Jena.